

У ТАТЬЯНЫ БОРИСОВНЫ из «Записок охотника» был двоюродный Поликарп Отставной скрипач, человек начитанный, к тому же «личный враг Наполеона». Есть прелестная сцена, когда Поликарп объясняет внуку Васе, что Россия — это его родина, что он — русский. Мальчик не сразу понимает, что это такое, и Поликарп сердится.

Его светлейшество князь Михайло Илларионович Кутузов, — говорит он, — отечество освободил твое. Бонапартизму с божею помощью из российских пределов выгнать изволил!

Это напоминает один случай из детских лет самого Тургенева, тоже, как оказалось, связанный с темой войны 1812 года и личностью М. И. Кутузова.

Однажды во время дружеской беседы Тургенев рассказывал, как его в детстве повезли к одной весьма почтенной женщине. «То была, — вспоминал Иван Сергеевич, — светлейшая княгиня Голенящева-Кутузова Смоленская, Екатерина Ильинична, урожденная Библикова, сколько помню, умершая в 1824 году. Мне было тогда лет шесть...»

Дальше случился так, что ребенок, посмотрев на очень древнюю старуху, произнес, к ужасу присутствующих: «Ты совсем похожа на обезьяну!»

Наверное, это покажется странным, но меня заинтересовала в рассказе совершенно незаметная на первый взгляд деталь: почему Тургенев через много лет счел нужным напомнить, что вдова полковника была до замужества Библиковой? Это имя встречалось и раньше. О какой-то «бабушке Библиковой» 13-летний Тургенев сообщил однажды в письме своему дяде. Предполагая, что у Тургеневых имелись родственные связи с Библиковыми, я тогда пытался справиться по родословным. Но безуспешно.

Теперь пришлось вернуться к этому вновь. Решил просмотреть на этот раз переписку и мемуары определенного круга лиц. Занялся выяснением родственных связей по лутвиновской и тургеневской линиям. Словом, стал изучать окружение семьи писателя с самых первых лет.

Бабушка писателя — Е. И. Лутвинова, оставшись вдовой наизодло до рождения дочери, по-видимому, вскоре была вынуждена порвать с родней мужа и уехать в имение своего брата М. И. Лаврова, находившееся при селце Холодоевском уезда. Здесь, несколько позднее, она вторично вышла замуж за кромского помещика С. А. Сомова. Хорошо зная хищнические наклонности Лутвиновых и не видя другой возможности защитить свои имущественные интересы, Е. И. Сомова упростила влиятельнейшего человека того времени казанского губернатора И. Б. Библикова стать официальным опекуном ее дочери Варвары. Впоследствии он был сенатором, и есть основания полагать, что это в значительной мере объясняет, почему такой ловкий человек, как И. И. Лутвинов, в имущественных тяжбах со своей юной племянницей неизменно проигрывал.

А дальше выяснилось вот что. Генерал-поручик Илья Богданович Библинов (1739—1806) был не только опекуном В. П. Лутвиновой, он дядя ее матери и близкий родственник Е. И. Кутузовой. Та же Библикова мать Варвары Петровны была троюродной сестрой М. И. Кутузова. По тогдашним понятиям это считалось близким родством.

Вот, оказывается, почему Тургенев в 1880 году упомянул о Библиновых. Нинто из его слушателей, конечно, не знали таких подробностей. Тургенев же помнил о своем родстве с семьей великого полководца и проявил неравнодушное отношение к этому примечательному факту семейной хроники.

Биографам Тургенева не было известно и еще одно обстоятельство: мать писателя и ее семья сблизилась с М. И. Кутузовым также и через дядю Варвары Петровны — генерала Лаврова, в имени которого прошло его детство. Впоследствии лавровское селце Холодоево перешло к И. С. Тургеневу.

Генерал-лейтенант Н. И. Лавров был многолетним сослуживцем М. И. Кутузова и, по всей видимости, его другом. В 1789—1791 годах Лавров состоял батальонным командиром в Бугском егерском корпусе, а командовал корпусом молодой генерал М. И. Кутузова. В то время корпус входил в дивизию генерал-поручика И. Б. Библикова — дяди Лаврова. Наверное, с тех пор и сохранились в некоторых архивах пролепная юной Варвары Лутвиновой, написанные штабным канцеляристом Бугского корпуса.

Отправляясь в 1793 году послем в Турцию, М. И. Кутузов включил «премьер-майора и кавалера Николая Лаврова» в состав своей миссии. Почти до последних дней Кутузов и Лавров служили вместе. И умерли в один год: Н. И. Лавров тоже скончался в 1813 году.

Н. И. Лавров был видным участником Отечественной войны 1812 года. Он возглавлял штаб гвардейского корпуса и главный штаб 1-й Западной армии, который от него пра-

вил генерал А. П. Ермолов. Во время Бородинского сражения Н. И. Лавров командовал императорской гвардией. Тургенев не мог не знать этого.

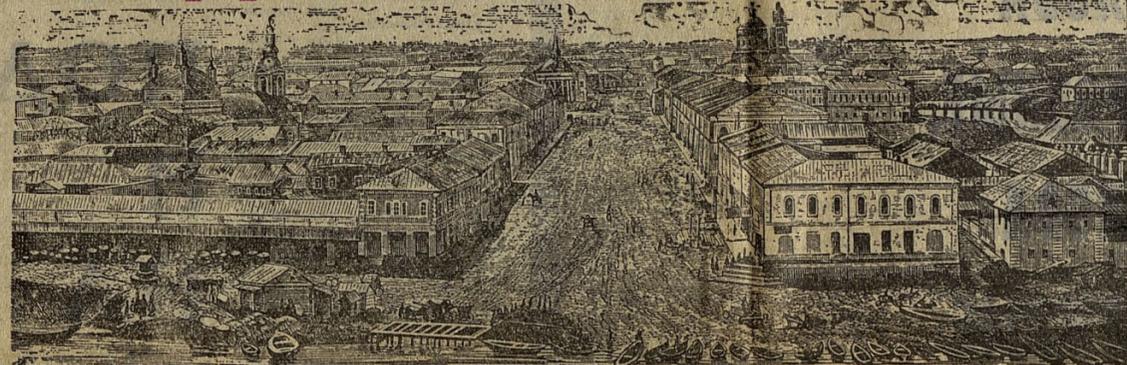
Знаком русской военной старины В. М. Глинна, к которому я обратился однажды за консультацией, сказал, что Н. И. Лавров — это самая загадочная фигура среди генералов 1812 года. Он командовал крупными соединениями при Бородине и Тарутине, а сведений о нем почти не сохранилось. Среди немногих военачальников имя генерала Лаврова можно и теперь увидеть на чугунных досках Бородинского моста в Москве — и в то же время он забыт историками войны 1812 года.

По отзывам современников, М. И. Кутузов почти полностью относился к своему старинному сотоварищу. Устраиваясь бивуаком, главнокомандующий зачастую избирал местом своего расположения стоянку Н. И. Лаврова. На одной из этих стоянок, как свидетельствует «История Семеновского полка», произошло известное чтение М. И. Кутузовым басни Крылова «Волк на псарне».

Так розыск, связанный только с одним эпизодом из раннего детства писателя, привел поистине к неожиданным результатам.

Николай ЧЕРНОВ

ГЛАВА ИЗ ДЕТСТВА

Город Орел. Старинная гравюра.

НЕДАВНО в газетной заметке, увидевшей свет еще в прошлом веке, обнаружена метрическая выписка из книги орловской борисоглебской церкви. Под номером 137 от 31 октября 1818 года значилось: «Капитана Сергея Николаевича Тургенева жена Варвара Петровна родила сына Иоанна; восприемник генерал-майор Федор Семенович Уваров; крестил протоиерей Иаков Орлов с причмом».

Ф. С. Уваров — младший брат известного впоследствии министра просвещения С. С. Уварова — до сих пор не упоминался биографами Тургенева. Надо заметить, что первые годы детства Тургенева вообще мало изучены. Видный советский историк литературы М. К. Илеман, впервые обративший на это внимание, с полным правом писал, что «предстоит коренная переработка всех ранее сложившихся мнений о детстве писателя».

Когда родился сын Иван, С. Н. Тургенев хлопотал о переводе из Петербурга в кирасирский полк, расквартированный в Орле. В точности мы не знаем мотивов задуманного плана. Вероятнее всего, С. Н. Тургенев уже тогда принял решение покинуть службу. В подобных случаях офицеры иногда переходили из гвардейских полков в армию, чтобы получить при отставке двойное повышение.

Замысел выгодной отставки был, по-видимому, расквитан на поддержку давнего сослуживца С. Н. Тургенева по кавалергардскому полку, в то время бригадного командира в Орле генерала Ф. С. Уварова. Возможно, с этим и связано приглашение Ф. С. Уварова «восприемником» сына Иоанна.

В 1820-е годы Орел считался одним из оживленных центров провинции. Никогда раньше в Орле не издавалось столько книг. К тому времени относился зрелость орловского театра графа Каменского, когда здесь выступала знаменитая Кузьмина — героиня герценовской «Сороки-воронки». Выходил журнал — один из немногих в русской провинции.

Тургеневы хоть и не сразу, все же были приняты в орловском обществе. Они и сами устраивали празднества, театральные представления. Варвара Петровна возобновила оркестр и хор, которые имелись еще у И. И. Лутвинова.

В Орле проживало много культурных дворянских семей. Особенно выделялось общество, состоявшее из родственников В. А. Жуковского — Протасовых и Зонтаг. Сейчас нет возможности

развивать эту тему, но вот что хотелось бы подчеркнуть. Среда, окружавшая И. С. Тургенева в ранние детские годы, при более углубленном исследовании может предстать в ином свете. В 20-е годы жизнь в тургеневском лутвиновском поместье была, сравнительно с позднейшим периодом, более благоприятной для умственного и нравственного развития детей. Сказывалось влияние С. Н. Тургенева. Всеволоды Варвары Петровны не было еще таким необъятным и тягостным, как во времена студенческих лет И. С. Тургенева.

В спасском доме в давние времена собирались друзья отца. Помимо братья и его брата Н. Н. Тургенева, которые оба участвовали в кампании 1812 года, бывали их однополчане В. М. Бакунин и Н. В. Киреевский. Нет сомнений, приезжал и генерал Ф. С. Уваров — тоже один из ветеранов войны. Напомним, что Киреевский и Уваров являлись «крестными отцами» двух сыновей Тургеневых. Мы не знаем, были ли там воспоминания о прежних походах или толки о горах, находившихся в отпуску навалергардов, причастных к тайному обществу. Из Москвы Гринвальд выехал примерно 20 декабря и на третий сутки проезжал через Спасское, направляясь в

вещи и письма находящемуся в заключении декабристу С. Н. Кривоцу и подписывался: «Тебя любящий Сергей Тургенев». «Если бы ты слышал, — с иронией писала Кривоцу его сестра, — как она (В. П. Тургенева. — Н. Ч.) воркует о своей жалости и любви к тебе, ты был бы тронут!»

Понски новых материалов, относящихся к детским годам Тургенева, привели меня и к случаю, который пока еще не удается в полном объеме изучить и прояснить. Это история поездки Р. Е. Гринвальда в Орловскую губернию для ареста участников восстания. Но прежде всего о самом Гринвальде и о том, почему его миссия заслуживает внимания биографов Тургенева.

В 1814 году в Белостоке командир резервного эскадрона Сергей Тургенев и его брат Николай буквально спасли от смерти юнкера Гринвальда, ухаживая за ним во время тифозной болезни. Они вместе участвовали потом в европейском походе, после служили в одном полку. Гринвальд был в Спасском. Узнав в 1878 году о смерти старого генерала, И. С. Тургенев писал брату, что Гринвальд «связан с их прошлым».

14 декабря ротмистр Гринвальд без колебаний вывел на Сенатскую площадь против мятежных войск свой эскадрон. Его верноподданническое устремление заметили, 16 декабря он был послан в Москву, Орел и Курск для ареста, «ради чести полка», находившихся в отпуску навалергардов, причастных к тайному обществу. Из Москвы Гринвальд выехал примерно 20 декабря и на третий сутки проезжал через Спасское, направляясь в

быва очень давно) умерла в возрасте 82-х лет в феврале 1822 года.

Кто же тогда А. И. Л., спасшая жизнь Тургеневу? По обозначению имени в «Наброске автобиографии» можно заключить, что она не принадлежала к крепостной или наемной прислуге. Видимо, Тургенев имел в виду А. И. Логривову. Это подтверждается «ведомостями» спасской приходской церкви за тот период.

А. И. Логривова, урожденная Губарева, в прошлом — подруга Варвары Петровны, потом компаньонка, позднее оказавшаяся на положении приживалки. Она и ее брат Воин Иванович Губарев были близки с Варварой Петровной, по-видимому, еще со времени пребывания Лутвиновых в кромском имении Холодоев. Губаревы жили тогда в Кромках.

Воин Иванович Губарев известен читателям Тургенева по отрывку из «Литературных и житейских воспоминаний», посвященному В. А. Жуковскому. Почти половина этого рассказа отведена Губареву. Не думаю, что это случайность. В памяти писателя Губарев и Жуковский были неотрывны друг от друга. Почему — мы увидим дальше.

В своих «Воспоминаниях» Тургенев назвал Губарева

знал со времен своего детства. Нет сомнения, что эта тема могла быть предметом разговоров, в особенности в связи с появившейся публикацией писем В. А. Жуковского. Таким образом, упоминание Вонна Губарева в «Литературных и житейских воспоминаниях» было совершенно закономерным.

Прошло еще несколько лет, и Тургенев в рассказе «Часы» единственный раз в своей творческой практике обратился к проблеме русского масонства. Он, как мне кажется, не мог и тогда не вспомнить о Губареве. В пользу такого предположения свидетельствует сходство портретных черт Губарева в «Воспоминаниях» и ссыльного вольтерьянца и масона дяди Егора из рассказа «Часы». «Некрасивый, толстый, с огромной головой и рябинами по всему лицу», Губарев — страстный поклонник Вольтера, как бы проступает в образе дяди Егора — «крупного, тяжелого мужчины, с широким рывым лицом», специально «выучившегося по-французски, чтобы читать Вольтера».

Не правда ли, примечательное сходство? Вполне возможно, что, изображая в «Часах» людей того же круга, Тургенев не забыл «старинного приятеля» своих детских лет Вонна Губарева.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Подготовка полной биографии И. С. Тургенева, — пожалуй, самая неотложная задача дальнейшего изучения жизни и творчества писателя.

Выявление и публикация новых биографических материалов шли последние годы параллельно с изданием академического собрания сочинений и писем И. С. Тургенева. В «Литературной газете» уже печатались материалы к биографии писателя, подготовленные И. Черновым. Сегодня мы продолжаем эту публикацию. В нее включены новые сведения о ранних годах Тургенева, о том, какое воздействие на его творчество оказывали впечатления детства; характеризуются «толщина культурного слоя» в Спасском.

Город Орел. Старинная гравюра.

усадьбу декабриста З. Г. Чернышова.

Возникает вопрос: виделся ли Гринвальд с Тургеневыми? Можно ли допустить, что он не останавливался в доме, где проживал близкий друг? И Гершензон — автор книги «Декабрист Кривоцов и его братья» (М., 1914) не смог объяснить, почему находившийся в Воронеже С. И. Кривоцов был отправлен вместе с арестованным З. Г. Чернышовым из Орловской губернии, в то время как в крепость С. И. Кривоцов попал на месяц позднее З. Г. Чернышова.

И вот я думаю: не причина ли всему этому Гринвальд? Я не могу поверить, что он так и не познакомился с друзьями, хотя бы на обратном пути (дорога пролегла у ворот усадьбы). Тургеневы же, как известно, принимали деятельное участие в судьбе Кривоцова. Не здесь ли разгадка? Составитель биографии Р. Е. Гринвальда располагал в 1900-х годах какими-то его записками. Если эти мемуары сохранились, может быть, там мы отыщем ответ на наши вопросы?

Родственный визит к Е. И. Кутузовой, о котором рассказывалось вначале, относится скорее всего к времени краткого пребывания Тургеневых в Петербурге в мае 1822 года, когда они ехали за границу. Значит, Ивану было тогда не шесть, а три с половиной года. Характер детского «проступка» тоже соответствует более трехлетнему, чем шестилетнему возрасту. Тургенев рассказывал об этом, по всей видимости, со слов старших.

Другое памятное событие детских лет писателя случилось, как он сам утверждал, на четвертом году жизни. Мальчик опасно заболел и едва не умер. В «Автобиографии», которую 17-летний Тургенев начал было писать в подражание «Исповеди» Руссо, рассказывает об этом так: «Лет четырех чуть-чуть не умер... Женщина, имевшая обо мне тогда самые нежные похвальные, была одна А. И. Л., которую я, несмотря на многие ее не очень хорошие свойства, люблю до сих пор».

Здесь рукопись обрывается. Через тридцать лет Тургенев в письме к историку М. Д. Хмырову добавил еще один штрих: «На 4-м году моего возраста был так отчаянно болен, что с меня уже взяли мерку для гроба».

Публика «Набросок автобиографии» в академическом собрании сочинений И. С. Тургенева, специально высказали предположение, что А. И. Л. — возможно, Анна Ивановна Лутвинова, тетка В. П. Тургенева. Но от этой версии пришлось отказаться, так как выяснилось, что А. И. Сергеева (Лутвиновой она

«старинным приятелем нашего семейства», писал, что это «замечательное типичное лицо» и т. д. Жаль, что исследователи ни разу не уделили в эти слова, не заинтересовались таким человеком. Отец Губарева — Иван Андреевич — был в екатерининское время кромским городничим. Пользовался большим уважением. Он считался приятелем известного деятеля масонства И. В. Лопухина и через него, по-видимому, состоял в знакомстве с московскими просветителями и масонами. Лопухин сообщает в своих «Записках», что он часто посещал Губаревых в Кромках.

За сношения с масонами И. А. Губарев, кажется, пострадал.

Воин Губарев был помещен в Московский университетский пансион, где обучался вместе с будущим поэтом В. А. Жуковским и братьями Тургеневыми, с одним из которых, декабристом, И. С. Тургенев был впоследствии в дружеских отношениях.

Вполне возможно, что Воин Губарев тоже сочувствовал взглядам масонства. Большеинство материалов, которые удалось разыскать, свидетельствуют о его доверительных, дружеских отношениях с тем же И. В. Лопухиным. Особенно близки были они в последние годы жизни престарелого масона. Так, в апреле 1816 года Губарев писал, что летом он живет в деревне Лопухина в 12 верстах от Кром. Лопухин был тогда болен и не выезжал из своих Ретяжей. Этим же летом он умер.

«Я не знаю причины, — вспоминал о Губареве И. С. Тургенев, — почему он не пошел в гору, не составил себе карьеры, как его товарищи. На этот вопрос отвечает отчасти одно из писем В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, относящееся к 1818 году: «Прилагаю письмо мою мне от Губарева, — писал Жуковский, — ему ты должен непременно посоветовать. Дела его запутаны, и причину запутанности их — Иван Владимирович (Лопухин)». «Здесь Губарев, — сообщает Жуковский в другом письме. — Ему бы хотелось войти на службу. Его истинная привязанность к Ивану Владимировичу, делающая честь его сердцу, должна сверх других причин побудить тебя за него хлопотать».

Зададим себе вопрос: были ли известны И. С. Тургеневу все эти подробности о Губареве, когда он писал «Литературные и житейские воспоминания»? Трудно поверить, что нет, настолько хорошо знали в семье Тургеневых прошлое Губарева. Переписка В. А. Жуковского с А. И. Тургеневым, где встречается имя Губарева, печаталась в 1867 году в журнале «Русский архив», в то время, когда Тургенев обдумывал и писал «Литературные и житейские воспоминания». В это же время И. С. Тургенев регулярно встречался в Париже с однокашником и сверстником Губарева декебристом Н. И. Тургеневым. Для обоих собеседников Губарев был, пожалуй, единственным человеком, которого каждый из них

В ТОМ ЖЕ очерке И. С. Тургенев говорит, что В. А. Жуковский был знаком с Варварой Петровной и что после 1812 года он посетил Спасское и даже выступил в домашнем спектакле в роли какого-то волшебника. Вчитавшись в это место «Воспоминаний», я почувствовал некоторую противоречивость в свидетельстве Тургенева. Судите сами, с руки ли заезжому визитеру выступать на сцене в малоизвестном доме?

Вспомним, что Варвара Петровна считалась приятельницей А. А. Воейковой. У Жуковского, как известно, не было более близких людей, чем его сестра по отцу Е. А. Протасова и ее дочери М. А. Мойер и А. А. Воейкова. Значит, и в то время Жуковский по крайней мере знаком был с В. П. Тургеневой вовсе не отдаленно.

Когда же он мог быть в Спасском? Конечно, не ранее января 1814 года — с того времени В. П. Лутвинова стала хозяйкой Спасского. Видимо, это было летом и осенью 1814 года. В тот год Жуковский жил в мае и июне в Муратове — имении Е. А. Протасовой, верстах в 30 от Спасского. С сентября и до конца 1814 года он проживал у А. П. Киреевской в Долбине, тоже не далее 40 верст от Спасского.

Вспынуло, что в это же время вместе с Жуковским в Муратове и Долбине жил В. И. Губарев. «...Я в стихах по уши, — писал Жуковский к А. И. Тургеневу 8 ноября 1814 года. — Губарев взялся мне все переписать...» 1 декабря того же года Жуковский сообщает А. И. Тургеневу из Долбины: «Прошедшие октябрь и ноябрь были весьма плодородны. Я написал пропущенных стихов... Переписывается скоро. За это взялся наш приятель Губарев...» Сам Губарев писал несколько позднее одному из своих друзей, что он «почти год был с Жуковским».

В этом же письме, которое датировано апрелем 1816 года, Губарев, сообщая о событиях двух предыдущих лет, признается, что некоторое время он жил на средства «одной некрасивой и богатой особы». «Я только что порвал с NN, — пишет Губарев, — потому что она вышла замуж» («Русская старина», 1879, октябрь, стр. 215—216).

Из всего, что мы знаем, вытекает с полной очевидностью: NN — это В. П. Лутвинова. В таком случае не иначе как В. Губарев привозил Жуковского в Спасское. Это было, конечно, не единственное посещение.

Однажды в письме к сыну Варвара Петровна назвала себя «вольтерровой кухаркой». Теперь мы знаем, что это не только ирония. «Вольтерьянцем» считался ее воспитателем Иван Лутвинов. Видимо, известное влияние оказал на нее и Губарев, знавший, по словам Тургенева, «наизусть всего Вольтера».

Интерес к образу жизни и связям родных писателя возникает не сам по себе. Биографы стремятся более точно определить «толщину культурного слоя» в Спасском в предтургеневское время. В данном случае дружба и общение с Губаревым имели для Варвары, а потом и для Ивана Тургенева значительные последствия: семейные связи будущего писателя вели к лицам из круга московских просветителей времен Н. И. Новикова, к Жуковскому, к братьям Тургеневым.

Эти новые биографические материалы открывают перспективу для очень важных выводов.